

АНАТОЛИЙ АВРУТИН

ЕЩЁ ЖИВЁМ...

* * *

Закричу... Неотзывчивы ныне
Эти дали и эти леса.
Смолкли в сумрачной белой пустыне
Обезумевших птиц голоса.
Но среди поседевшего мрака,
Где ни возгласа и ни огня,
Что-то ухнет... Залает собака...
Может, это хватились меня?

Стылый воздух причудливо горек...
С губ слизнув леденящую бель,
Через силу взберусь на пригорок —
За пригорком всё та же метель.
Чиркну спичкою... Жалко... Погасла,
Пальцы еле заметно черня.
Всё стою, всё гляжу понапрасну —
Может, где-то хватились меня?

АВРУТИН Анатолий Юрьевич родился и живёт в Минске. Окончил БГУ. Автор двадцати двух поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, лауреат Национальной литературной премии Беларуси, Большой литературной премии России и многих международных литературных премий. Академик Международной Славянской Академии литературы и искусства (Болгария). Указом Президента Беларуси награждён орденом Франциска Скорины. Главный редактор журнала "Новая Немига литературная". Почётный член Союза писателей Беларуси и Союза русскоязычных писателей Болгарии.

И в молчанье метелицы белой —
Злой предвестницы чёрных разлук —
Всё мне чудится звук оробелый,
Из молчанья родившийся звук.
Он растёт, согревая неволью
На исходе пропавшего дня...
Может, это набат колокольный?
Может, это хватились меня?

* * *

Лев Николаевич, страшно вас нынче читать...
Где те характеры, где те мечты и порывы?
Так же чужую жену соблазняют опять,
Но, в основном, соблазнённые живы и лживы...

Где же, Борис Леонидыч, та горечь разлук,
Где над февральской чернильницей горькие плачи?
Те же скрещения ног и скрещения рук,
А со скрещением судеб выходит иначе.

Вас я, Марина Ивановна, не понимал,
Хоть был раздавлен мрачнейшим ритмом тяжёлым.
Но ведь стихам драгоценным черёд не настал...
Винам — настал... Обычным, прокисшим, дешёвым.

Анна Андреевна, как вы сейчас далеки!
“Реквием” смолк... Над державой ветра и метели.
Мир обезумел... И чудится — с левой руки
Все мы перчатку на правую руку надели.

* * *

От смущенья бледна, под грачиные долгие крики,
Приходила одна, приносила ведро земляники.

Улыбалась порой, а порою была Несмеяной.
Понял — нету второй, вот такой же, немножечко странной.

Всё глядела сквозь тишь, сквозь меня непокорно глядела.
Повторяла: “Шалишь! Не отведаешь белого тела...”

Было так горячо, так небесно, так сладостно было.
И светило плечо — сквозь кромешную темень светило.

Как стрелы остриё, это белое тело звучало...
Даже имя своё на прощание не прокричала.

Кожу мне обожгла... Облик свой унесла светлоликий.
Робкий свет из угла... Сладкий привкус лесной земляники.

* * *

Другое ли?.. Здесь всё сейчас другое.
Другими стали мысли о покое,
Другими стали речь и широта.

Но всё-таки ещё покуда длится
Загадочность, что в женщине таится,
И складка у измученного рта.

Другая ли?. Да ты давно другая.
Глядишься в дождь, печали потакая,
Перебираешь мелочь в кошельке...
Другая стать, другой наклон фигуры...
Ты на меня глядишь, как с верхотуры,
Чтоб следом раствориться вдалеке.

Другие мы?. Конечно же, другие.
Куда-то сплыли годы молодые,
Когда в моей руке — твоя рука,
И два карандаша в одном пенале...
Мы в зеркала глядим, как в Зазеркалье,
Не сознавая истины пока.

Шепнуть словцо?. Давно всё отшепталось,
Но складочка знакомая осталась,
Та самая — от горечи и слёз.
Тень от крыла... Неясный отсвет звука...
В разрезе глаз — немислимая мука,
Что ветер века в дали не унёс.

Ещё живём... Глядим... Куда-то ходим.
Ещё порою в мыслях колобродим,
А после с грустью в зеркало глядим.
Там рядышком, уже почти полвека,
Стоят-глядят два грустных человека...
А там стекло... И ничего за ним.